

동
서
남
북

ЛИЯ АРДЕН

ДВОЙНИК
ЗАПАДА

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
А79

Иллюстрация на обложку — *Отраенна*

Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Иллюстрация в тексте *Анны Лужецкой (Ааегунп)*

Арден, Лия.

А79 Двойник Запада / Лия Арден. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-168839-4

Её взяли в незнакомый дом и назвали чужим именем. Сказали, что она должна говорить, как ходить и что любить. Старый закон императора сделал её безликим двойником дочери наместницы Запада, чья единственная задача — ценой своей свободы спасти жизнь той, кто важнее, ценнее, богаче. Ей осталось всего полгода до конца притворства, до возвращения в храм Западного Дракона — единственное место, которое она может назвать домом.

Всё меняется в одночасье, небо затягивают тучи, а истины прошлого оказываются ложью. Есть ли у неё хоть шанс на свободу или же старая цель незначительна в свете открывшейся правды?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168839-4 © Арден Л., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Моему мужу.

*Он рассказал мне несколько мифов,
на основе которых появилась эта история.*

- 1 - провинция Севера
2 - провинция Запада
3 - провинция Востока
4 - провинция Юга
5 - Центральная провинция
6,7 - провинции Ближних

ГЛАВА ❀ 1

Янаклонила голову, разглядывая пейзаж сквозь широкое, почти во всю стену, окно. Деревянные панели с тонкой рисовой бумагой были раздвинуты, позволяя присутствующим наслаждаться видом на сад со второго этажа. Маска отстранённого спокойствия на моём лице не дрогнула, даже когда по ногам прошла болезненная судорога от долгого сидения на полу. Специально подложенные подушки, конечно, удобные, однако стоило ещё пять минут назад поменять положение. Теперь уже поздно — ноги затекли.

Середина второго осеннего месяца Западного Дракона — самое приятное время для наших земель. Летняя жара спала, уступив мягкому теплу днём и свежей прохладе по ночам, а зелень на деревьях сменилась багрянцем. Красные клёны и ярко-жёлтые гинкго с полукруглыми листьями создали красочный пожар цвета. Весь мир приобрёл оранжевые, красные и коричневые тона, резко выделяющиеся на фоне насыщенного синего неба и высокой гряды гор.

— Госпожа Ян...

Я не госпожа.

Порыв ветра дёрнул несколько бронзовых колокольчиков на конце изогнутых крыш, и вместо того чтобы ответить, я отвлеклась на мелодичный перезвон.

— Госпожа Ян Наён...

Это не моё имя.

Я по привычке проглотила желанный ответ.

Окно в нескольких шагах, и, втянув носом воздух, я ощутила запах тёплой земли и сладость яблок. Странная связь, но почему-то осень всегда ассоциировалась у меня с запахом яблок. Возможно, из-за яблоневого сада поблизости. Часть фруктов не успевали собрать, и опавшие плоды гнили на земле, источая пронзительно-приторный аромат.

— Ян Наён!

Я вздрогнула от резкого толчка локтем под рёбра и перевела удивлённый взгляд на настоящую Наён. Она выразительно кивнула в сторону взбешённой наставницы. В целом мне нравятся уроки истории, но сегодня им предшествовала двухчасовая лекция по этикету, способная утомить даже мёртвого.

— Я понимаю, госпожа Ян, что вместо урока вы предпочли бы... — наставница бросила недовольный взгляд в окно и вновь повернулась ко мне, — ...увеселительную прогулку с вашими приближёнными.

Настоящая Наён рядом со мной и две подруги позади нервно заёрзали, я же сделала то, что должна: распрямила плечи, руки сложила на коленях и потупила пристыженный взгляд в стол с раскрытыми книгами.

— Но необходимо взять себя в руки! Вы не маленькая девочка, через полгода вам будет восемнадцать! — не успокаивалась наставница.

Мне уже восемнадцать. Исполнилось в начале прошлого месяца, а вот день рождения Наён действительно через полгода. Каждая мысль жгла язык, оставляя привкус горечи, но моё лицо оставалось расслабленным, а рот закрытым, чтобы не ляпнуть лишнего.

— Со вторым совершеннолетием вы неизбежно возьмёте часть ответственности на себя! Будете помогать госпоже Торе.

Тора — старшая сестра Наён. У меня же нет ни родного брата, ни сестры.

В последнее время я выслушивала подобные лекции всё чаще, но раньше в груди не растекалась жгучая обида и непривычная мне злость. Предупреждали, что такая реакция рано или поздно меня настигнет, но я всё равно оказалась не готова к тому, как сложно сопротивляться разгорающемуся гневу.

Излив на меня недовольство, наставница демонстративно громко вздохнула, и началась часть, к которой прибегали все учителя, — попытка подловить меня на глупости.

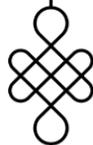
— Встаньте, госпожа Ян.

Я покорно поднялась, стараясь не сильно морщиться от судороги в правой ноге, а настоящая Наён бросила на меня взволнованный взгляд. Всё ещё не могла отделаться от страха, что я случайно опозорю её, хотя госпожу я подводила очень редко.

— Кратко расскажите о нашей стране, — приказала женщина.

Я медленно вдохнула, не ради оттягивания ответа или раздумий, а чтобы набрать в лёгкие побольше воздуха. Наставница вопросительно приподняла чёрную бровь, но не успела меня поторопить.

— Наша страна называется Кхорин, хотя это не первоначальное название, — будничным тоном заговорила я. — Раньше на нынешней территории Кхорина располагались другие государства. Они то раскалывались на множество мелких территорий, то объединялись под руководством одного правителя. Современное название, Кхорин, наша империя получила около восьми сотен лет назад, став единой

и сильной благодаря твёрдой руке и железной воле правившего тогда императора.

— Как звали императора, объединившего разрозненные страны? — вклинилась наставница, пока я не перескочила на следующий этап развития.

— Император Муншир, — моментально ответила я, вызвав удовлетворённый кивок, позволяющий мне продолжить. — Но единство империи дало трещину со смертью императора. Слишком много у него было сыновей, и если старшему вначале удавалось кое-как сохранять целостность управления, то внезапно подкосившая его болезнь ослабила хватку правителя. Никто из братьев не желал разваливать империю отца, но все хотели получить часть власти. Так Кхорин был разделён на четыре провинции: Северную, Южную, Восточную и Западную. Каждая из них находится под покровительством своего дракона, благоволящего тому или иному сезону. С давних времён стороны света и так связывались с драконами, но с разделом земель территории получили строго регламентированные границы.

Я говорила без остановки, демонстрируя, что подобную информацию могу рассказать даже во сне.

— Север связан с зимой, Восток символизирует весну, Запад — осень и Юг — лето. Все провинции по-прежнему подчиняются императору, владения которого находятся в провинции Севера, но во главе остальных сидят наместники. Они хоть и склоняют головы перед Зимним дворцом, но порой упрямятся и в каких-то вопросах способны ограничивать власть императора. Правитель вынужден мириться с этим и прислушиваться ко мнению наместников, дабы сохранить единство в Кхорине.

— Всё верно, но сейчас провинций не четыре, а семь. Как это произошло?

— Спустя несколько поколений после появления первых четырёх образовалась ещё одна провинция,

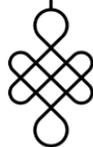
Центральная, служащая сдерживающим буфером между остальными. Время от времени наместники не сходились во мнениях и происходили столкновения. Подобные конфликты не перерастали в масштабные гражданские войны, но напряжение в отношениях всё равно ослабляло Кхорин. Ещё, примерно три сотни лет назад, произошло отделение части северных земель в самостоятельные провинции. Их называли провинциями Близнецов.

— Почему?

— Потому что тогда на троне сидела императрица Суён и помимо старшего сына Ариса, который в итоге стал следующим императором, у неё родились близнецы. Императрица холила и лелеяла всех своих детей. Близнецы выросли, считая, что ничем не уступают старшему брату, наследнику престола. Императрица не заметила сформировавшейся в них жажды власти, те, воспользовавшись удобным моментом, подговорили некоторых советников и отделили себе практически равные территории, похожие на треугольники. Став императором, Арис мог бы приструнить братьев и вернуть отобранные у Северной провинции земли обратно, но не успел, столкнувшись с проблемами, абсолютно незнакомыми его предшественникам. Из-за внешней опасности он оставил провинции Близнецов как есть, решив разобраться позже. Однако подходящее время так и не наступило. Поэтому теперь у нас семь провинций. Шесть наместников и один император.

— С какими же неприятностями столкнулся император Арис? — Из голоса наставницы исчезло раздражение, она удовлетворённо кивала в такт моим словам.

— Проблемой стало государство, назвавшееся Объединённым Эвиром. Мы были одни на этих землях, пока не пришли люди с запада. — Мой голос

начал звучать хрипло, горло пересохло. Я огляделась в поисках воды, но сегодня почему-то кувшин не принесли. — Эвирцы заняли... заняли западную часть прямо за... хребтом...

Я попыталась сглотнуть, но из-за сухости во рту стало только хуже. В карих глазах наставницы отразилось понимание, и она меня прервала:

— Всё хорошо, Наён. Можешь сесть, но впредь не отвлекайся.

Как и было велено, я опустилась на мягкие подушки. В Кхорине вся мебель низкая, и мы привыкли сидеть на полу, но чтобы спина не уставала, у наших стульев без ножек имеются спинки, на которые можно опереться, что я и сделала, расслабив поясницу.

— Объединённый Эвир, — громким голосом продолжила наставница, привлекая всеобщее внимание. Резким взмахом руки она прижала конец тонкой бамбуковой указки к карте на стене. — Эта страна образовалась три сотни лет назад и располагалась на западе за горной грядой, известной нам как хребет Дракона-Матери. Земель там не много, почва в основном каменистая, не позволяющая выращивать обильный урожай, поэтому все предыдущие императоры Кхорина хоть и поглядывали на запад, за хребет, но решили, что местность не стоит усилий, которые пришлось бы приложить для её облагораживания. На те земли ссылали преступников или недовольных политикой императора, также любой желающий мог сам туда уйти и делать, что пожелает. Но три сотни лет назад пришли люди из-за океана и обжили те края. Хёна, расскажи нам, почему появление эвирцев стало для императора Ариса неожиданностью?

Задав вопрос, наставница даже не повернулась к настоящей Наён, сидящей рядом со мной. Хёна — её выдуманное имя.

— Потому что никто не верил, что с запада, из-за океана, может кто-либо приплыть, — уверенно ответила Наён, затем опомнилась и моментально встала на ноги.

В глазах окружающих она не госпожа, а всего лишь моя приближённая и подруга, соответственно, отвечать учителю сидя — непозволительная грубость. Никто из присутствующих, кроме меня, не знал, что эта девушка — настоящая госпожа Ян Наён. Младшая из двух дочерей наместницы провинции Запада, своего рода принцесса этих земель. А я всего лишь её *гвойник*, многие годы исполняющий отведённую роль.

— Сотни лет назад лет назад кхоринцы начали осваивать моря и строить корабли для дальнего плавания. На севере было слишком холодно, и то направление решили не исследовать, на юге наткнулись на цепочки островов, но основной интерес был сосредоточен к востоку и западу нашего континента, — продолжила настоящая Наён уже стоя. — Далеко на востоке, после многочисленных экспедиций, был открыт другой континент. Живущие там люди культурой похожи на нас, а их мифы и легенды сохранили истории о драконах. С тем народом у нас дружественные отношения, но их торговцы не заходят дальше провинций Севера и Востока. Однако исследования океана на западе ни к чему не привели. — Наён шумно перевела дыхание после торопливой речи. — Наши корабли тонули в штормах, люди умирали, так и не отыскав никакой земли. Моряки отказывались ходить туда. По их мнению, воды на западе прокляты и неспокойны, так как там никогда не жил король-дракон. Моряки даже под страхом смерти отказывались плыть на запад, и со временем было решено прекратить путешествия.

При словах о короле-драконе лицо наставницы помрачнело, а Наён запоздало спохватилась. Слухи

о короле-драконе скорее напоминали сказки и охотно распространялись среди простых людей, в то время как образованный человек, по мнению многих наших учителей, должен был скептически относиться к подобным рассказам. Если в существовании четырёх драконов никто не сомневается, имея многочисленные источники информации и свидетельства в лице настоящих хранителей их душ, то король-дракон — порождение древних суеверий. По старым сказкам, когда-то давно на дне каждого из морей и океанов жили короли-драконы, они управляли ветрами и волнами. Моряки, кажется, до сих пор верят, что молитва им сделает путешествие безопасным, однако на западе корабли тонули один за другим, и разошлась молва, что там король-дракон никогда не жил, поэтому те воды проклятые, необузданные и ходить туда — только смерть искать.

Разумеется, император и все чиновники скептически относились к подобным страхам, но принуждение подорвало бы авторитет власти. После появления людей с запада загадка была решена — наши корабли оказались недостаточно прочными, нам не доставало знаний в кораблестроении, поэтому чужаки прибыли к нашим берегам первыми.

Наён нравились сказки о мифических существах. Когда мы были маленькими, то обе искренне верили, что где-то за океаном, на востоке, есть скрытая от чужих глаз земля, на которой продолжает существовать магия. Однако мы выросли, я перестала воспринимать какие-либо мифы всерьёз, если не слышала подтверждения их реальности от бабушки, но Наён эти истории по-прежнему волновали.

В повисшей тишине наставница тяжёлым взглядом удерживала Наён на месте, вероятно размышляя, стоит ли сделать выговор за упоминания короля-дракона, но всё-таки сдержалась и задала следующий вопрос:

— Почему с момента появления эвирцев наши императоры, хоть и с опаской, поглядывают на новых соседей, но ничего не предпринимают, чтобы их выгнать?

— Потому что те земли императору не особо и нужны, а с эвирцами нас разделяет горная гряда, — ответила Наён, с радостью уходя от щекотливой темы. — Нам ничего не угрожает. Со стороны моря близко и незаметно не подойти, слишком много скал. Если же эвирцы попытаются перебросить войска по суше, то существующие перевалы слишком узкие для стремительного нападения.

Наён хотела дополнить ответ, но нас прервал мелодичный звон колокольчика из коридора. Все, кроме меня, невольно обернулись на звук.

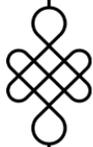
Урок закончен.

— Хорошо, Хёна, — похвалила наставница и обратилась ко всем присутствующим: — Но не забывайте свои обязанности и выданные задания. Вы должны прочитать книги, лежащие перед вами, до начала следующей недели. Все свободны.

Я сдвинула верхнюю книгу и едва не поморщилась, наткнувшись на толстый фолиант об императорской династии. Очень много имён и очень много дат.

Наставница отвернулась, но я всё равно поднялась с подушек аккуратно и медленно так, как требуют правила этикета. Именно такого поведения и ждут от своей госпожи. Мне приходилось не просто притворяться Наён, но и быть ею, ведь никогда не знаешь, кто просто смотрит, а кто намеренно следит.

Помимо меня и Наён, всем известной как Хёна, занятия посещают ещё две девушки. Хару и Союль — приближённые, но в наш секрет не посвящены, поэтому смотрят на меня, как на настоящую наследницу. Хёну же все воспринимают как мою кузину, этой

же отговоркой семья Ян пользуются при объяснении, почему Хёна живёт в поместье наместницы.

Мы собрали свои книги и вышли в коридор.

— Священный Клён, она действительно дала нам всего неделю на этот талмуд с датами? — недовольно проворчала за моей спиной Хару, предусмотрительно понизив голос, чтобы наставница её не услышала.

— Я, может, и прочитаю, но ничего не запомню, — тяжело вздохнув, поддержала Союль. — Хотя погодите! Когда у нас праздник близнецов? В это полнолуние?

— Верно, в конце недели, — напомнила Наён и взяла меня под локоть, негласно дав понять, что нам необходимо поговорить. Она сдавила пальцами моё предплечье, этим жестом приказав избавиться от сопровождающих девушек.

— Тогда беру свои слова назад. Даже прочитать это невозможно, столько всего нужно подготовить. — Несмотря на сказанное, Союль, наоборот, развеселилась.

Праздник близнецов радовал многих, кроме таких двойников, как я.

— Союль, Хару, тогда вы можете быть свободны, готовьтесь к предстоящему событию, — обратилась я к подругам.

На их лицах появились улыбки, в глазах — блеск предвкушения. От этого откровенного воодушевления мне захотелось устало вздохнуть. Хару и Союль раскланялись, тщетно пытаясь скрыть радость, и неприлично быстро заторопились дальше по коридору, пока мы с Наён молча наблюдали за ними.

— Впредь не подводи меня так, — с едва заметной обидой выдала Наён, намекая на мою отстранённость. — Весь месяц то на одних занятиях, то на других ты витаешь в облаках. Что обо мне подумают?

— Прости, — ответила я, и Наён потянула меня к выходу.

— Просто будь внимательнее. Нам осталось потерпеть немного — до моего восемнадцатилетия, — и мы обе будем свободны. — Её симпатичное лицо исказилось от досады.

Наён, как и я, ненавидела притворство, прочно вошедшее в наши жизни с раннего детства. Однако мы никого не могли обвинить в происходящем или прекратить обман. Несмотря на одинаково сложное положение, только друг другу мы могли выплеснуть накапливающуюся обиду и раздражение, которые в последнее время всё чаще брали верх. Чем ближе было окончание притворства, тем быстрее иссякало наше терпение.

Наличие двойника для каких-то семей необходимость, для других — демонстрация статуса. Изначально двойник был лишь у императора и его детей, особенно после разделения страны на провинции, когда появилась опасность, что кто-нибудь из наместников решится на отчаянный шаг в жажде обретения большей власти. Но позже из-за междоусобиц сами наместники стали заводить себе и своим детям двойников, притворяющихся ими на случай опасности.

Около двух с половиной сотен лет назад, при восстаниях, произошло несколько нападений на тогдашнего правителя. Прекращение разгорающейся гражданской войны проходило тяжело, и только наличие двойника спасло старшему сыну императора жизнь, когда остальные дети погибли. Если бы не двойник, династия могла оборваться, поэтому ради сохранения наследия влиятельных родов император подписал закон, что от звания двойника невозможно отказаться и нужно принять как честь.

Для многих это действительно честь и удачное стечение обстоятельств. По закону в двойники рассматриваются беспризорники, сироты и бедняки. Главное — максимальное внешнее сходство, а об-

разование дадут, манерам и прочему обучат уже по ходу взросления. Двойники заменяют своих господ до второго совершеннолетия. Первое наступает в шестнадцать лет — возраст вступления в брак. Второе — восемнадцатилетие, с которого разрешается занимать престол или вставать во главе провинции. Можно и раньше, но исключительно если остальные члены правящей семьи мертвы.

После второго совершеннолетия двойники получают свободу и право выбора: могут либо уйти, либо остаться со своими господами. Всё зависит от того, как двойник изменился с возрастом и от его собственного желания. При любом раскладе с восемнадцатилетия человека, которого подменяют, двойнику каждый месяц и до конца его дней выплачивают достойную денежную компенсацию. Выплаты настолько хорошие, что можно не работая жить в достатке. На первый взгляд, закон помогает как элите, так и сиротам, которые получают шанс на качественное образование и безбедную жизнь. Однако к использованию двойников прибегают всё реже и только самые влиятельные семьи, которые в состоянии обеспечить нужные выплаты двойнику после его ухода. Мало тех, кто готов пойти на такие траты, да и далеко не у каждого имеются настолько серьёзные враги.

Проблема же у двойников лишь одна. *Как дожить до восемнадцати лет.*

Из-за непростого статуса дедушки меня приписали к сиротам, и так я стала подходящей кандидаткой на роль двойника младшей дочери семьи Ян, а из-за старого закона моего желания не спрашивали. Мы с Наён на самом деле родственницы, но очень дальние. Кажется, отец моей мамы был двоюродным братом дедушки Наён. И, к моей неудаче, мы внешне оказались чем-то похожи.

У кхоринцев цвет волос колеблется от чёрных до светло-каштановых, а глаза в основном карие: от светлых янтарных до почти пугающих чёрных. Нам с Наён достался янтарный оттенок. Волосы у обеих каштановые, до середины спины, но Наён приходится их красить в чёрный и стричь чёлку, чтобы подчеркнуть разницу между нами. Из-за этого с каждым годом её раздражение становится всё ощутимее.

У нас схожее худощавое телосложение, я ростом на пол-ладони выше. У нас разные носы и лица в целом: мой нос прямой, а у Наён вздёрнутый, её черты лица мягкие, округлые, а мои более резкие. Но я была и до сих пор остаюсь идеальным кандидатом на роль её двойника. Родственная кровь делает своё дело, и, видя меня рядом с Торой, старшей сестрой Наён, никто не сомневается, что в нас есть схожесть.

После второго совершеннолетия Наён меня ждёт свобода. Я надеюсь, что Ян Йорин — нынешняя наместница провинции Запада — не станет какими-либо манипуляциями вынуждать меня остаться в роли двойника. Больше всего я хочу наконец покинуть это поместье.

Госпожа Ян Йорин потеряла мужа, когда Наён было всего три года. Однако она сумела не просто удержать власть над провинцией, но и стать одной из тех наместников, кого побаиваются остальные. Хотя её опасаются не только враги, но и все мы, включая её собственных дочерей. Мало кто нанимает двойников для дочерей, их считают менее важными, чем наследников мужского пола, но в семье Ян родились лишь девочки. Говорят, была ещё одна, самая младшая, но она умерла, не прожив и года. Я спрашивала Наён и Тору об этом, но даже последняя мало что помнит.

Ян Йорин очень подозрительная женщина, возможно, именно это помогло ей укрепить власть, спа-

сти свою жизнь и жизни дочерей. Я стала двойником Наён в девятилетнем возрасте, и только к десяти годам узнала, что я у неё третий двойник. Власть её матери в те годы была шаткой, и предотвратить покушения не удалось. Жизнь Наён была оплачена в двойном размере, но кого это интересует? *Она дочь наместницы провинции Запада, а двойники не более чем призраки.*

— Праздник близнецов выпал на осень, — напомнила Наён, до боли сжав мою руку пальцами. — Это наш сезон. Все ждут безупречности. Может, сам император почтит нас своим присутствием — или хотя бы один из его сыновей, — Наён говорила торопливо и тихо, но на меня не смотрела, следя, не появится ли у нашего разговора лишний слушатель. На её лице сохранялось отстранённое выражение, из-за чего я не могла понять, Наён воодушевлена такой перспективой или обеспокоена.

Праздник близнецов. Иногда я задумывалась, не стала ли эта забава одной из причин, почему влиятельные люди увлеклись идеей двойников. Зародился праздник с появлением двух новых провинций. Два брата-близнеца обожали заменять друг друга, их причуды были настолько сумасшедшими, что несколько раз они, будучи наместниками своих территорий, умудрялись сбежать и меняться местами. Их советники приходили в ужас, обнаружив подмену спустя дни или даже недели. *Подумать только.* Братья с лёгкостью менялись территориями и подданными, словно маленькие дети — игрушками.

Именно братья-близнецы придумали этот праздник, а остальные подхватили. На фестиваль зовут всех наместников, советников, министров и состоятельных людей. Место и время празднования меняется каждый год. В прошлый раз его проводили летом, в провинции Юга. В нынешнем году это бремя

выпало нам. Хотя намечающееся веселье бременем считаю только я, для остальных это игра, где трудно понять, кто есть кто. Можно на один вечер стать кем угодно, а всем останется лишь гадать, кто ты на самом деле. Человек, представившись сыном императора, может говорить правду, но не так уж мала вероятность, что перед тобой двойник, а сам наследный принц прячется где-то среди свиты.

Взрослые хорошо знают друг друга в лицо, а вот молодые люди подобный праздник воспринимают как занимательную тайну и возможность кем-то увлечься. Для нас с Наён это будет первый сознательный праздник близнецов. Его проведение скорее честь, но не обязанность. После многочисленных покушений на своих детей госпожа Ян Йорин долгие годы отказывалась устраивать его, а на фестиваль в другие провинции нас не пускали.

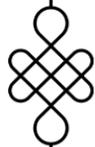
Все будут притворяться кем-то, а я бы хотела хоть на один вечер стать просто собой.

— Сегодня отдохни и соберись, завтра мы отправимся в храм, — подытожила Наён. Мы вышли из учебного павильона и надели оставленную на пороге обувь. — Мы проведём там день, может, два, а потом вернёмся перед фестивалем.

Я кивнула, запомнив новое расписание, и прикусила щёку изнутри, сдерживая улыбку при мысли о поездке в храм. Единственное радостное событие в ближайшие дни.

Порыв свежего ветра дёрнул за длинные одежды, я подняла взгляд к небу, когда три сороки взлетели с ближайшего клёна. Наён потянула меня к себе и огляделась по сторонам в поисках возможных свидетелей.

— Ты понимаешь, что на празднике близнецов к тебе, то есть ко мне, будут присматриваться особенно пристально, верно? — строго уточнила она, но от-

пустила мою руку и откинула прядь длинных волос. Из-за очередного порыва ветра та упала ей на лицо.

После совершеннолетия старшая из сестёр — Тора — начала часто бывать на светских мероприятиях, а вот нас с Наён наместница пока предпочитала держать подальше от чужих глаз. То есть нынешний праздник близнецов — своего рода выход в свет, и пристальное внимание будет обеспечено. Без сомнений, среди гостей окажутся и те, кто желает породниться с семьёй Ян через брак с одной из дочерей наместницы. Наверняка госпожа Ян Йорин даст Наён список молодых людей, к которым той стоит присмотреться, пока я буду отвлекать внимание на себя.

Наён приоткрыла рот, намереваясь чихнуть, но в итоге не смогла и усиленно потёрла кончик носа ладонью, сиюсь избавившись от назойливого щекочущего ощущения. Я невольно улыбнулась, не в силах всерьёз воспринимать её нахмуренный вид.

— Не время для смеха! — пробубнила Наён. — Моё будущее на кону, поэтому передай Джуну, чтобы поменьше на тебя глазел.

— Он наш охранник. Конечно, он на нас глазеет.

— Тогда он делает это недостаточно аккуратно, чтобы не бросалось в глаза!

— Ему приходится следить за нами обеими, он не может делать это...

— Пусть учится! — нервно перебила она, и я умолкла. Мой усталый вздох притупил её внезапное раздражение, и Наён продолжила уже спокойнее: — Пожалуйста, предупреди его. Мы обе прекрасно знаем, что он присматривает не за нами, а за тобой.

— Хорошо, я передам, — согласилась я, признавая бесполезность спора.

Наён сдержанно кивнула и ушла в сторону павильона своей матери. В отличие от младшей госпожи,

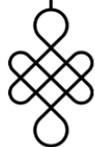
я на сегодня со своими делами закончила. Мы и так просидели в помещении на занятиях не меньше пяти часов, поэтому прикосновение свежего ветра к коже показалось особенно приятным. К тому же раз Наён попросила поговорить с Джуном, то стоит так и поступить. Если я сейчас вернусь к себе в комнату, то не смогу с ним встретиться.

Провинция Запада не самая большая или богатая, но дом наместницы занимает просторную территорию и окружён невысокой каменной стеной по всему периметру. Внутри словно маленький город, включающий основной дом в три этажа и множество двухэтажных павильонов, соединённых мощёными дорожками. Некоторые для слуг, другие для стражи, отдельный павильон — зал для приёмов гостей и проведения праздников, а часть построек отдана под склады. Также есть конюшня и тренировочное поле, а среди обширных садов создали искусственный пруд и каналы, через которые перекинута арочные мосты.

Помимо кустов, фруктовых деревьев и красивых гингко, в основном на территории поместья посажены клёны, в честь Священного Древа провинции Запада. Хотя настоящий Священный Клён лишь один, и он растёт неподалёку от храма.

Все постройки поместья сделаны из камня и дерева, стены серовато-зелёные, а крыши с загнутыми краями и покрыты чёрной черепицей. Каждое здание, украшение, расположение комнат и оформление сада детально выверены с ориентировкой на четыре стороны света, чтобы оставаться в гармонии и под защитой четырёх драконов.

Покрепче прижав к груди книги, я направилась в сторону сада. При моём появлении слуги сгибались в поклоне, складывая руки на животе, и дожидались, пока я пройду. Я ускорила шаг, желая поскорее

скрыться от всеобщего внимания. Сбежав по каменным ступенькам, я нашла свою любимую маленькую беседку в глубине сада.

Постройка полностью деревянная, скромная и наполовину скрыта кривым клёном, чья тяжёлая ветвь улеглась на изогнутую крышу. Сюда мало кто заходит, поэтому я отложила книги на скамью и с наслаждением потянулась, распрямляя позвоночник. Мне нравится эта беседка не только из-за возможности уединиться, но и потому, что отсюда видно раскинувшийся внизу город. Вдалеке виднеется храм и Священный Клён. Они располагаются на окраине города на возвышении, но севернее дома наместницы.

Поплотнее затянув широкий пояс платья, я поёжилась от ветра, дёрнувшего юбку. По рукам побежали мурашки, напомнив, что стоило одеться теплее.

В Кхорине распространена традиционная одежда с запахом, ширина рукавов зависит от статуса и рода деятельности. Мужчины и женщины носят штаны и рубашки, только у женщин они сшиты из тонких материалов и полностью скрыты верхними платьями, в то время как мужской комплект сделан из более плотных тканей и виднеется из-под затянутой поясом мантии. С приближением зимнего периода Северного Дракона все достанут утеплённые накидки.

В Кхорине большое внимание уделяется внешности, опрятность считается одной из добродетелей, а кто-то и вовсе верит, что красота души отражается в красоте лица. Поэтому по материалу наряда, его расцветке и вышивке можно многое узнать о человеке. Если же не ясны эти тонкости, то взгляд на обувь подскажет о роде деятельности и достатке: воины предпочитают невысокие ботинки из кожи или войлока, пока женщины и мужчины, занятые более спокойным делом, носят туфли. Кому не хватает денег, ограничиваются плетёными сандалиями.

Я притворяюсь дочерью наместницы, поэтому на мне почти всегда платье из шёлка, вышивка замысловатая и изысканная, иногда на рукавах или юбке изображены целые пейзажи. Сегодня на мне платье в приглушённых оранжевых тонах с вышитыми карпами. Рукава, на мой вкус, слишком широкие, выглядит красиво, но я не опускаю руки ниже талии, боясь запачкать ткань, хотя одежда предусмотрительно скроена так, что они ни в коем случае не должны коснуться земли.

Я тяжело опустилась на деревянную лавку рядом с книгами и позволила себе один громкий усталый вздох, зная, что в округе никого нет.

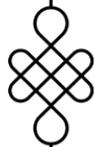
Всего полгода.

Оставшийся отрезок времени кажется смехотворно коротким, ведь я живу чужой жизнью почти девять лет, однако никогда ещё ожидание не казалось таким мучительным. Никогда свобода не была настолько близка.

Моего желания стать двойником никто не спрашивал. Будь мои родители живы, жизнь повернулась бы совсем по-другому, но болезнь унесла обоих. Среди близких родственников остался лишь дедушка. Он обладает определённой властью, но мать Наён умело воспользовалась возложенным на него долгом и забрала меня в двойники.

Сперва, как и любой ребёнок, я была в восторге. Внезапно стать местной принцессой! Есть вкусную еду, купаться в шелках, иметь лучшие игрушки, да и с Наён мы вначале сдружились. Её забавляло, что она могла делать что пожелает: пачкать одежду, не заботиться о причёске и манерах, так как никто не смотрел на неё как на госпожу. Она получала свободу в роли мнимой кузины, без давления ответственности.

Затем мы выросли и постепенно осознали, что стали заложниками чужой личности. Наён вынуж-

дена скрывать своё истинное лицо. Она столкнулась с горькой правдой, где никто, кроме знающих её секрет, не воспринимает всерьёз её слова. Наён приходится терпеть, пока её именем называют другую, даже свою внешность она вынуждена менять. В последние годы необходимость красить волосы в чёрный пару раз доводила её до гневной истерики.

А я не знаю саму себя. Меня привели девятилетней. Бросили, как кусок глины, и слепили копию младшей дочери Ян Йорин. Мне сказали, какую еду я должна любить, что надевать, какие книги читать, когда спать, как говорить и ходить.

Но какую еду я сама люблю? Что я хотела бы делать в свободное время?

Я раздражённо потёрла переносицу, силясь вспомнить себя в детстве. Я почти не помню своей жизни до девяти лет, скудные отрывки и не более. От периода с девяти до тринадцати лет тоже осталось очень мало воспоминаний. Все уверяют, что они однажды восстановятся, потому что потеря произошла из-за шока. Однако мне уже восемнадцать, ничего не вернулось, и я более не верю пустым обещаниям.

— Аша!

Я резко подскочила на месте от звука собственного имени, сердцебиение болезненно ускорилося, а Джун одарил меня довольной ухмылкой:

— Аша, так и знал...

— Ш-ш-ш! — Я громко зашипела на друга, чтобы он не смел произносить моё настоящее имя вслух.

Джун демонстративно огляделся по сторонам.

— Не бойся, никого нет, но ты всегда можешь приказать мне звать тебя «госпожой», — нагло предложил он, заходя в беседку.

Я тихо фыркнула, бросив на него тяжёлый взгляд, однако щёки предательски обожгло жаром. Джун за-

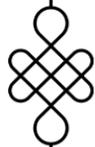
частил с этой шуткой, и я уверена, что всё из-за заметной реакции. Моё смущение его забавляло.

Джун на год старше меня. Он один из немногих, знающих моё настоящее имя, и единственный в поместье наместницы, кто познакомился со мной ещё до того, как я стала двойником. Несмотря на скудные воспоминания из детства, Джуну я помнила прекрасно, кажется, он был в моей жизни всегда.

Звуки моего настоящего имени теплом и щемящей тоской отозвались в груди. Я множество раз просила друга не произносить его, помня о своём месте, однако Джун знал, что мне приятно его слышать, и прекращать не собирался. Иногда мне казалось, что навешанные на меня запреты злили его даже сильнее, чем меня саму.

Лёгким движением Джун перебросил свою алебарду из правой руки в левую и прислонил оружие к одной из опорных балок. Оружие возвышалось над Джуном на голову. Древко выполнено из бамбука и заканчивается плоским изогнутым лезвием. Несмотря на умение пользоваться мечом, Джун предпочитает древковое оружие, которое, как он объяснил, позволит ему в одиночку удержать нападающих на расстоянии, если придётся защищать и меня и Наён одновременно.

Джун отряхнул пыль с одежды на бедре, отложил в сторону снятую с плеча тряпичную сумку и сел рядом, расслабленно откинувшись на один из столбиков. В поместье Джун играет роль простого охранника, поэтому его одежда скромная, из серого и чёрного хлопка, но ботинки в разы удобнее моих туфель и подойдут для бега. Рукава не широкие, но чтобы они не цеплялись за оружие при возможном бое, излишек ткани обмотан вокруг предплечий и закреплён кожаными лентами, создавая дополнительную защиту. Единственное украшение в наряде — подвеска,

прицепленная к широкому поясу на талии. На плетённом золотом шнурке закреплён круглый кусок янтаря с выгравированным Драконом Запада, свернувшимся вокруг кленового листа. Подвеска — отличительный знак ученика храма.

— Ты закончил тренировку? — спросила я, оторвав взгляд от украшения.

— Да. О, погоди! — Джун выпрямился и начал рыться в своей сумке.

Я с интересом наблюдала за его затянувшимися поисками. Сумка небольшая, а барахла, похоже, там достаточно. Наконец Джун с победным выражением лица извлёк круглый свёрток. Я его воодушевления не разделила, и он развернул полупрозрачный пергамент, продемонстрировав мне крупную подсушенную хурму. Я невольно улыбнулась — Джун в очередной раз стащил еду с кухни.

— Прости, успел незаметно прихватить только одну, — виновато пробормотал он, смущённо потупив карие глаза.

— Ты же ученик храма, Джун, — напомнила я. — Достаточно попросить, и на кухне тебе дадут всё, что пожелаешь.

— Не всё! Сушёную не дадут, ты же знаешь, сколько времени ей требуется пролежать на солнце, а в последние дни всё небо в тучах. Ты глянь на эти белые пятна, — Джун сунул фрукт мне под нос, придвинувшись ближе, — наверняка безумно сладкая.

Я не сдержала смешок: слишком много он восхищался едой. Но сушёную хурму и правда сейчас не дают, заготавливают угощения для приближающегося праздника.

— Бери, — внезапно сказал он, вкладывая добычу мне в руки. — Я себе потом ещё стащу. А нет, стой!

Я не успела ничего сделать, как Джун отщипнул маленький кусочек, кинул в рот и прожевал, прислу-

шиваясь к своим ощущениям. Я смиренно дожидалась вердикта, пока он облизывал большой палец, избавляясь от липкого сока. У меня внутри всё сжалось от тревоги, веселье улетучилось, но я не позволила эмоциям просочиться наружу, продолжая удерживать на губах хоть какое-то подобие улыбки.

— Всё нормально, — пришёл к выводу Джун. — Ешь.

— Тебе не нужно так делать.

— Ещё как нужно! Осталось треклятых полгода, и я твёрдо намерен уйти из этого места вместе с тобой, — серьёзно отрезал он, даже не пытаясь притворяться.

Моя улыбка дрогнула, я поспешно опустила взгляд, зная, что по глазам Джун всё поймёт. Пальцами я разорвала хурму надвое и половину протянула другу. Тот замешкался на мгновение, но взял, и его лицо вновь озарила привычная мальчишеская улыбка. У Джунa привлекательное лицо с едва заметными веснушками, а чёрные волосы, в юности часто пребывавшие в беспорядке, лежат аккуратнее. Я пригляделась, осознав, что волосы у него немного волнистые, но понятно это стало лишь потому, что не так давно Джун принялся их отращивать. Сейчас они скрывали уши, но до длины волос старших учеников храма ему ещё далеко. Джуну всего девятнадцать, он продолжает расти и меняться. Раньше его лицо было мягче, а теперь скулы стали острее, челюсть — более угловатой.

Мой дедушка — хранитель Западного Дракона. В былые времена главы храмов обладали немалым влиянием на наместников и самого императора, но не сейчас. Их по-прежнему уважают, но былой власти у них нет.

Джун — один из учеников храма, и его присутствие в качестве моего охранника стало единственной

поблажкой, которой дедушке удалось для меня добиться. Джун оказался для меня настоящим спасением.

Он стал моим личным охранником в поместье, когда мне было двенадцать. Вряд ли дедушка действительно рассчитывал тогда, что тринадцатилетний мальчишка сможет меня защитить, скорее отправил Джуну в качестве друга, чтобы мне не было одиноко. Однако спустя год Джун спас меня по-настоящему.

Тогда я уже свыклась со своим новым местом жительства и распробовала роскошную жизнь, витала в облаках, привыкла к вкусной еде и слугам, стремящимся мне угодить. Я воспринимала притворство, как игру, в которой мне надо было выиграть, одурачив всех. Я не замечала мелочей и была беззаботной. Не обращала внимания и на ставшую привычной заминку Торы и Наён перед приёмом пищи. До того дня я никогда не задумывалась, почему они всегда приступают к еде после меня, ведь блюда проверяют на яды при нас. Однако двойник, как оказалось, служит дополнительной защитой. Отравить же можно не только еду, но и столовые приборы, кубки и даже одежду.

Я так и не узнала, каким ядом был обмазан тот бронзовый кубок, но изменения заметил Джун, стоящий у стены позади. Сказал, что увидел, как почернело серебряное кольцо у меня на пальце. Я не успела поднести кубок к губам. Джун выбил его из моей руки.

Реакция друга спасла меня от мгновенной смерти, но всё равно было поздно. Яд просочился через кожу на ладони и вместо быстрой кончины обрёл меня на долгие дни в муках. Сразу после происшествия Джун, не спрашивая позволения, удрал из поместья и привёл дедушку, который забрал меня в храм и вылечил, опираясь на знания медицины, полученные от целителей из провинции Юга.

Мы с Наён месяц прожили в храме, пока я восстанавливалась. Говорили, что именно лихорадка и шок

стали причиной частичной потери памяти. Поэтому моё детство напоминало размытые отрывки и мимолётные картинки, собранные из собственных воспоминаний и чужих рассказов. После отравления я боялась брать еду в рот и прикасаться к столовым приборам. Прошли годы, прежде чем ладони перестали потеть, и я вновь смогла держать кубки в руках без дрожи.

— Завтра мы отправимся в храм, — поделилась я, не уверенная, знает ли об этом Джун, и откусила сладкий фрукт.

— Слава осенней буре, а то здесь такая скукота! — почти простонал он, развалившись на скамье. — Мы же останемся там хотя бы на день, верно?

— Останемся, — подтвердила я и округлила глаза, когда друг затолкал в рот свою половинку хурмы целиком. — Затем праздник близнецов. Наён просила передать, чтобы ты поменьше глазел на меня.

— Я глафел?! — возмутился Джун, едва не потеряв часть набранного в рот. — А офранять я с щакрытыми глазами долфен?!

Я рассмеялась, не поняв и половины.

Они с Наён не ладят. Из-за каждого замечания младшей госпожи Джун буквально выходит из себя. Мне кажется, в душе он обвиняет её в том, что я стала двойником и нам обоим приходится много времени проводить вдали от настоящих друзей.

У Джуна загруженное расписание занятий в храме, но ежедневный путь туда-обратно его выматывал, поэтому пару лет назад я уговорила дедушку позволить Джуну несколько раз в неделю оставаться в храме на весь день, чтобы он не отставал от сверстников. Однако это лишь немного облегчило жизнь Джуна, но не вернуло ему свободы, которую он потерял, приглядывая за мной.

— Она волнуется. Ты же знаешь, для чего проводят подобные праздники. К тому же ей скоро во-

семнадцать, — почему-то заступилась я за Наён, хотя сейчас нас тяжело назвать подругами.

— И это единственное, что меня заботит, потому что мы наконец сможем вернуться домой! — напомнил Джун, проглотив хурму. — Я здесь ради тебя, а не Наён.

— Тогда сделай, как велено, ради меня. Не ссорься с ней.

Недовольный моей просьбой, Джун промолчал. Его взгляд стал серьёзным, губы сжались в линию. Я обхватила его ладонь, ощущая грубую кожу и мозоли. Мы знаем друг друга с детства, я часто брала его за руку, но в последнее время прикосновения стали особенно важны, мы оба как никогда близки к свободе. Понимающий меня без слов Джун сжал пальцы в ответ, словно нам обоим необходимо держаться друг за друга.

— Только в этот раз. Это будет наш единственный и последний праздник близнецов, — мягче попросила я.

— Ладно, — нехотя согласился он, — в следующем году никаких больше игр.

— Никаких, — подтвердила я, хотя мы оба знали, что нынешняя жизнь не была моей прихотью.

— И купишь мне целый мешок сушеной хурмы! — неожиданно принялся торговаться Джун.

— Куплю. Не знаю, на какие деньги, но куплю.

— За всё пережитое тебе обязаны дать огромные выплаты. Ещё выпивку купишь! Ты уже взрослая! Отпразднуем свободу с размахом! — сильнее воодушевился друг, строя замечательные планы. Я не спорила, наоборот, энергично кивала, поддерживая и заражаясь его энтузиазмом. — Купим пэкхваджу¹! Или

---

¹ П э к х в а д ж у* (백화주) — вино из множества разных цветов.

* В тексте данной истории передача корейских слов или имён основывается больше на произношении или сочетании транслитерации и транскрипции.

нет! Стащим у твоего дедушки, я слышал, у него сохранились запасы сливового вина из самого Зимнего дворца.

Я опять рассмеялась, ощутив пьянящее предвкушение и тепло, когда Джун аккуратно погладил мою ладонь.

— В виде забавы можем спить Раяна! Вот умора будет, его же пьяным редко можно увидеть!

— Раяна? — осеклась я, растерянно уставившись на друга.

Мы не видели Раяна много лет.

Джун ответил мне изумлённым взглядом и разинул рот, разглядывая моё лицо, словно не понимал моего недоумения.

— Священный Клён, Аша! Ты не знаешь?! — подскочил друг, едва сдерживая восторженную улыбку. — Больше трёх лет прошло! Он вчера вернулся в храм, через несколько месяцев твой дедушка официально передаст Раяну свой титул хранителя Западного Дракона!

ГЛАВА ❖ 2

Сперва я лишилась дара речи, потом начала невнятно мямлить, будто разом забыла весь алфавит. Справившись с путаницей в мыслях, я всё равно не успела толком расспросить Джуна о Раяне, когда нас прервали. Он моментально отодвинулся от меня на приличное расстояние и с недовольством взглянул на молодую девушку в простом сером платье служанки.

— Госпожа Ян, ваша матушка желает вас видеть. Она ждёт в Зале Цветов.

— Хорошо. — Я встала на ноги аккуратно, но незамедлительно.

Я не настоящая госпожа, поэтому любое «желание меня видеть» от наместницы приравнивается к приказу немедленно явиться. Девушка вновь поклонилась и ушла, одарив Джуна мимолётным вниманием.

— Лучше я пойду одна, — с натянутой улыбкой сказала я другу, зная, что госпожу Ян Йорин Джун ненавидит всей душой. Впрочем, и она к нему испытывает нечто подобное.

— Нет, одна ты не пойдёшь, — отрезал друг, взял свою сумку, оружие и первым решительно покинул беседку.

Мне ничего не осталось, кроме как последовать за ним. Алебарду Джун взвалил на плечо, и мне пришлось шагать на расстоянии, чтобы не попасть под лезвие. Несмотря на заметное негодование, поступь Джуна оставалась тихой и лёгкой. Результат много-

летних тренировок в храме. До уровня мастера Джу-ну осталось учиться всего три года.

У входа в нужный павильон мы сняли обувь и прошли в раскрытые двери. Носки приглушали звук шагов, но деревянные половицы в некоторых местах скрипели. Потолки в меру высокие, но коридоры узкие, и плечом к плечу могли идти только двое. Мы поднялись на второй этаж, миновали ещё несколько комнат, пока не остановились перед дверями Зала Цветов.

Я схватила Джуна за рукав, заставив притормозить. Нас могли услышать, поэтому взглядом я указала на место рядом с панельными дверями, безмолвно моля подождать снаружи. Он нахмурился, но сдался, отошёл в сторону и с демонстративным стуком опустил деревянный конец алебарды на пол. Я зашла внутрь и тут же прикрыла за собой дверь.

Зал Цветов получил своё название из-за декора и огромного, занимающего почти всю стену, панорамного окна, выходящего на цветочный сад. Обои и ширмы расписаны изображениями цветков сливы и пионов, мебель украшена растительными узорами из перламутра, покрытого слоем лака. Из керамической курильницы нитями вьётся дым сладковатых благовоний. В целом зал просторный и свободный. Из мебели только книжные полки, пара комодов и низкий стол, окружённый мягкими подушками. Сюда приходят, чтобы почитать, обсудить дела в спокойной обстановке или попить чай, любуясь открывающимся видом на сады.

Я быстро оглядела помещение: присутствовали лишь наместница Ян Йорин и Тора. Значит, разговор будет откровенным.

— Госпожа Ян, — я низко поклонилась — при отсутствии посторонних я не имела права на неуважительное поведение.

— Присаживайся, Аша, — наместница дёрнула подбородком, указав мне на подушки напротив, тем самым предложив присоединиться к ней за столом из тёмного, почти чёрного дерева.

Тора, сидящая по левую сторону от матери, одарила меня дружелюбной улыбкой и коротко кивнула в знак приветствия.

Госпоже Ян Йорин было уже за сорок, но лицо оставалось достаточно молодым, разве что морщины на руках и шее выдавали возраст. Её можно было бы назвать красивой, но опущенные уголки губ и хмурое выражение лица создавали отталкивающее впечатление. Со мной она всегда была строга, для неё я не более чем служанка, хотя и по отношению к Наён наместница редко открыто демонстрировала материнскую любовь. Однако сам факт, что госпожа нашла для неё двойника, достаточно говорил о проявленной заботе. Обычно для младших дочерей двойники не требовались, так как те редко принимали пост наместника. И всё же, потеряв первых двух двойников Наён, госпожа Ян Йорин не сдалась и отыскала третьего — меня. Наён рассказывала, что практически не помнит тех первых двойников. При каждом воспоминании об этом я ощущала раздражение, возмущение от мысли, что две девочки умерли вместо неё, а она даже не помнила их настоящих имён. Раз за разом я повторяла себе, что Наён сама была ничего не понимающим ребёнком и злиться на неё бессмысленно, но, к несчастью, зародившееся недовольство, хоть и слабое, продолжало во мне жить.

Наместница одёрнула широкий рукав зелёного с белым шёлкового платья. На вышивку цветов и птиц мастера наверняка потратили не один месяц. Лицо госпожи Ян было аккуратно припудрено, ресницы и брови накрашены, а на губы нанесена специальная краска, делающая их чуть ярче. У сидящей

рядом Торы помимо перечисленного были нежные румяна на щеках.

Ценился неброский макияж, который подчёркивал естественную красоту, и его наличие говорило о статусе. Мне тоже приходилось не забывать о нём, но от пудры на моём лице отказались ещё в детстве — от неё я начинаю чихать. Госпожа Ян была весьма недовольна моим врождённым «недостатком» и более четырёх лет заставляла слуг время от времени наносить мне полноценный макияж, уверенная, что я перерасту «несдержанное чихание», но ничего не изменилось, и ей пришлось смириться. Уж лучше лицо без пудры, чем всё в размазанном макияже из-за того, что я пыталась вытереть нос и слезящиеся глаза. Мне также потребовалась пара лет, чтобы отучиться сразу слизывать краску с губ или не тереть накрашенные ресницы. К нынешнему возрасту я научилась часами, а то и в течение всего дня не прикасаться к своему лицу.

Госпожа Ян Йорин с долей раздражения поступала ногтём по столешнице. Я вспомнила о приказе и торопливо села на подушки. За все годы наместница ни разу не подняла на меня руку за непослушание, но ей и не нужно было утруждаться. У неё толпа нанятых для дочерей наставников, охотно достающих розги, если я демонстрирую ненадлежащее поведение.

Чёрные волосы госпожи Ян были завиты в свободные локоны и украшены гребнями и заколками с жемчугом. У кхоринцев волосы прямые, но богачи начали их время от времени завивать при помощи специальных щипцов, переняв моду от эвирцев. Те любят украшать волосы, создавая причудливые причёски из завитых прядей.

Сильнее всего культура эвирцев повлияла именно на жителей провинции Запада. На нашей территории

есть самая удобная переправа через горную гряду, по которой проходят торговцы, реже встречаются путешественники или послы. Поэтому мы знакомы с эвирцами и их товарами лучше, чем жители других регионов.

Кхорин не жалуется на гостей. Иностранцам запрещено жить на нашей территории, но торговлю никто не отменял. В итоге даже ограниченное сотрудничество привело к новым привычкам.

Старшей наследнице Торе во второй летний месяц Южного Дракона исполнилось двадцать. Улыбчивостью и сдержанностью она отличается от своей матери. Следуя всем правилам этикета, она демонстрирует идеальный образ старшей дочери с хорошими манерами, которыми должна обладать девушка в светском обществе. Сегодняшнее шёлковое платье приглушённого красного оттенка с не менее богатой вышивкой ей очень идёт. Тёмные волосы уложены, как и у меня, на кхоринский манер: большая часть распущена, а верхние пряди собраны в украшенный гребнем пучок на затылке.

Тишина затягивалась, я терпеливо опустила глаза в столешницу перед собой, ощутив, как взгляд наместницы прошёлся по мне, подмечая каждую деталь — начиная с одежды и причёски, заканчивая позой и дыханием. То ли она искала огрехи в моём внешнем виде, то ли пыталась нагнать тревоги давнящим молчанием, но я продолжала размеренно дышать, запрещая себе бояться.

— Учителя жалуется, что ты в последнее время рассеянная, — всё-таки заговорила госпожа Ян Йорин. Она ещё не отчитывала меня, но недовольство отчётливо слышалось в тоне. — У меня и без того дел много. Через наши земли из Эвира проходит всё больше торговцев. Теперь они сотрудничают не только с нами, но путешествуют и в Централь-

ную провинцию, ходят на юг и север. Император возлагает на меня больше ответственности, проверка ввозимых товаров занимает время, а количество отчётов и документов, требующих моего внимания, только растёт. У меня нет времени на семейные проблемы.

Я ничего не ответила, просто чуть ниже опустила голову, демонстрируя пристыженность и покорность, которых от меня ждали. На столе стояли чайник и пиалы, но мне напитка не предложили. Значит, позвали исключительно для очередного выговора.

— Ты должна взять себя в руки, раз осталось недолго. Особенно в праздник близнецов, — сухо напомнила наместница. — Мы ещё не знаем, кто именно приедет, но ты обязана вести себя так, словно каждый из гостей может оказаться императором или его наследником.

Я видела императора на портретах в учебниках и сомневалась, что он действительно может затеряться в толпе. Однако только сам император в курсе, сколько у него двойников, а его наследника я не видела даже на страницах книг.

Я коротко кивнула, не поднимая взгляда.

— Ты должна вести себя безукоризненно, Аша. Тебе понятно? — с нажимом повторила наместница.

— Да, госпожа.

— И предупреждаю заранее, что на праздник приглашён хранитель Западного Дракона. Вы знакомы, поэтому внимательно следи за своим поведением, чтобы никто ничего не заподозрил.

Госпожа Ян Йорин дождалась моего второго покорного кивка, который невольно вышел с заминкой, и повисло напряжённое молчание. Наместница явно заметила моё колебание. К счастью, она всё-таки оставила замечание при себе и отпила зелёный чай из своей пиалы.

— Мне рассказали, что ты вчера поругалась с Наён. Опять. И разговаривала со своим охранником наедине. Опять.

Вот теперь я с трудом сдержалась от раздражённой гримасы. *Рассказали, значит.* За прошедшие годы я уяснила, что госпоже Ян докладывали не то что о каждой моей провинности, но, кажется, о каждом моём чихе. Я понимала своё положение, но чувство, будто вся моя жизнь обнажена и заляпана чужими руками и взглядами, оставляло неприятное ощущение грязи. За всю жизнь я не совершила ни единого постыдного поступка, никого не оскорбила и не запятнала честь Наён или семьи Ян.

Я даже не прикасалась ни к кому по собственному желанию, помимо Наён, Торы и Джуна. Не говоря о том, чтобы обратить хоть каплю внимания на противоположный пол. Наён воспользовалась всеми плюсами своего положения: флиртвала, с кем хотела, ходила на прогулки с молодыми людьми и целовалась не раз. Но в моём случае любые чувства запрещены, вероятность их существования выставляется в постыдном свете. Подобными выговорами меня вынуждали ощущать вину и стыд за эмоции, знакомые любому живому существу, и в последний год я с трудом сдерживала гнев из-за несправедливости.

— Прошу прощения, — проглотив все горькие мысли, отреагировала я.

— Мне не нужны твои извинения. Веди себя достойно и не позорь имя моей дочери. Раз в несколько недель я отпускаю тебя в храм, чтобы ты пообщалась с друзьями. Таков уговор с твоим дедушкой. Тебе этого недостаточно?

— Достаточно, — мне с трудом удалось выдавить единственное слово.

Эта уступка словно капля воды для человека, страдающего от жажды.

— Ты же хочешь продолжать с ними видаться? Или мне ограничить эти поездки до восемнадцатилетия Наён? — Голос госпожи Ян Йорин остался спокойным, но она подалась вперёд, раздражённая моей реакцией, хотя я вела себя и отвечала, как было велено: коротко, покорно и не пререкаясь.

— Матушка, не нужно так строго, — вмешалась Тора. — Нет ничего необычного в ссоре с Наён. У сестры непростой характер.

— Ссоры непозволительны, кто-нибудь может услышать, — возразила наместница, шумно опустив пустую пиалу на стол.

Тора послала матери успокаивающую улыбку, подобрала широкий рукав своего платья и как ни в чём не бывало наполнила чашу госпожи Ян чаем. Я была благодарна за помощь — Торе всегда удавалось успокоить наместницу. Без неё та, скорее всего, уже кричала бы на меня, но в присутствии старшей дочери всегда сохраняла подобие спокойствия, демонстрируя пример сдержанности.

— Я буду стараться лучше, госпожа. — Шея заняла, когда я опустила голову ещё чуть ниже, показным унижением лишая наместницу желания ко мне цепляться.

— Хорошо. И не забудь о своём выступлении на празднике. Наён, разумеется, тоже участвует, но всё внимание будет направлено на тебя, — хмуро добавила госпожа Ян после непродолжительной паузы и поднялась на ноги.

Я сжала ткань платья на коленях, сияясь не выдать беспокойство, охватившее меня при мысли о музыкальном выступлении. Я неплохо играю, но представления на публике меня пугали. Сердце постоянно билось сильнее, чем нужно, руки потели, пальцы становились неуклюжими. В детстве я пугалась настолько, что из-за головокружения и звона в ушах

прекращала слышать других музыкантов. Однако я не высказала ни единого слова возражения. Любая реплика привела бы к очередному выговору.

Мы с Торой встали вслед за наместницей. Синхронно поклонились, пока та неторопливо шла к выходу, а затем покинула помещение. Прежде чем двери вновь закрылись, в зал проскользнул Джун. Судя по выражению лица, он подслушивал и его терпение закончилось. Друг остался стоять у выхода молчаливым стражем.

— Здравствуй, Джун, — с улыбкой поприветствовала Тора, в очередной раз демонстрируя идеал воспитанности.

Многие в поместье относятся к Джуну как к досадной помехе, которую приходится терпеть из-за меня. Благодаря статусу ученика храма он в целом имеет право не подчиняться никому, кроме наместницы, но терпит косые взгляды. Будь у него уровень мастера, все бы склоняли головы, лепеча уважительные приветствия, но жители поместья познакомились с ним, когда Джун был мальчишкой, поэтому не испытывают должного трепета.

Джун сдержанно кивнул Торе в ответ. Старшая сестра Наён указала мне на подушки, безмолвно прося задержаться. Я вернулась за стол, Тора села после меня, будто не была уверена, что я не сбегу.

— Мне жаль, Аша. Постарайся не принимать услышанное близко к сердцу. Никто не запретит тебе ездить в храм, — заверила Тора, наполняя одну из пиал чаем и передавая мне.

Настроение было испорчено, у меня не осталось никакого желания наслаждаться ароматным напитком, но и обижать Тору не хотелось, поэтому я сделала маленький глоток.

— Для меня и Наён ты как родная сестра, а сёстры часто ссорятся.

— Мы с тобой не ссоримся, — пробубнила я, не в силах сдержать обиду, которая по капле собиралась в душе последние месяцы.

Помимо Джуна, Тора единственная стремилась облегчить моё пребывание в поместье и действительно заботилась обо мне, как настоящая старшая сестра. С ней я не ссорилась и не препиралась. Тора была той, кто утешал в дни, когда меня одолевала тоска. Даже сейчас, несмотря на то что я взрослая и не должна нуждаться в подобной поддержке, Тора всё равно продолжала ей быть.

— Я старше Наён и мудрее в том, что касается отношений. К несчастью, мы учимся на собственных ошибках, свои я уже ушла, поэтому знаю, как правильно себя вести, — мягко возразила Тора. — И ты не мой двойник.

— Что это меняет?

— Многое. Легко относиться к двойнику доброжелательно, когда он не носит твоё имя и тебе не кажется, что он крадёт твою жизнь, — она взяла мою ладонь в свои руки, пытаясь поддержать.

Тора действительно идеал того, что ожидают от дочери, как во внешности, так и в поведении. И, ко всему прочему, она чуткая и понимающая. Возможно, это семейное, и Наён тоже такой станет спустя годы?

— Я ощущала несправедливость и совершала те же ошибки в отношениях со своим двойником, что и вы с Наён совершаете сейчас, — поделилась Тора. — Вы обе чувствуете одно и то же. Я не могу исправить собственное прошлое, но хочу помочь хотя бы вам.

— Как поживает Ая? Думаешь, она счастлива, получив свободу?

Ая — второй двойник самой Торы. Первая умерла ещё до моего появления в поместье, но Ая долгие годы

была моим компаньоном в притворстве, играя роль старшей сестры. Однажды её тоже отравили. Яд был менее опасный, но оставленные увечья ни в какое сравнение не шли с моей частичной потерей памяти. Отравители чем-то присыпали ткань её ночного платья. Кожа покрылась волдырями. Ая успела скинуть с себя отравленную ткань, но, по слухам, лопнувшие волдыри зажили, оставив безобразные шрамы. Мы не мылись в одних купальнях, и я не позволяла себе напрямую спрашивать у Аи о следах отравы, но, глядя на её красивое лицо, надеялась, что все рассказы — не более чем лживые байки. Нам обeim было запрещено реагировать на слухи, поэтому мы делали вид, что ничего не знаем.

С наступлением второго совершеннолетия Торы, несмотря на все уговоры остаться, на обещание безопасности, достатка и уважения, Ая твёрдо заявила, что желает покинуть семью Ян и жить своей жизнью.

— Да, думаю, она рада, — несмотря на быстрый и уверенный ответ, лицо Торы не показалось мне радостным, её улыбка стала натянутой.

Она немного отодвинулась и села прямо, пряча кисти рук в длинных рукавах платья.

— Ты её видела, после того как ей было позволено уйти? — насела я, неожиданно ощутив жгучее предвкушение собственной свободы.

На мгновение я даже почувствовала облегчение, воспринимая Аю как пример. Ей удалось обрести желаемое, а значит, и у меня получится.

Других примеров у меня не было, Юль — двойник самой госпожи Ян Йорин — осталась жить при поместье в качестве помощницы наместницы. Она уже пять лет не притворяется своей госпожой за ненадобностью. Никто не смел покушаться на жизнь самой наместницы многие годы, да и госпожа Ян до-

статочно укрепила свою власть, а её настоящее лицо известно всем влиятельным людям.

— Нет, я решила, что Ая не была особо счастлива здесь, — поделилась Тора. — Не хочу напоминать ей о неприятном, поэтому не тревожу её и не докучаю визитами. Однако надеюсь, что однажды она заглянет к нам. Я буду ей очень рада.

Я кивнула, и Тора налила себе чаю. Однако её улыбка стала дежурной и какой-то безжизненной, а слова не то чтобы фальшивыми, но какими-то заученными, словно она привыкла так отвечать. Я мельком оглянулась на Джуна. Он тоже смотрел на Тору задумчиво, будто и ему ответ показался странным.

ГЛАВА ❀ 3

— **Р**аян вернулся?! — вскрикнула Наён, и все сопровождающие обернулись.

Я, Наён и Джун собрались на рассвете во дворе. Помимо нас присутствовали два охранника и восемь мужчин, которые понесут паланкин. Я ненавижу подобный способ передвижения. Предпочла бы коня, но госпожа должна пользоваться паланкином. Так же это делается ради безопасности — чем меньше людей знает Наён в лицо, тем меньше вероятность удачного покушения. Хотя после той попытки отравления в мои тринадцать не было никаких происшествий. Все провинции живут в относительном мире, а Ян Йорин твёрдой рукой удерживает власть в своих землях.

Заметив нежелательное внимание, Наён моментально понизила голос и попыталась скрыть удивление под маской безмятежности.

— Когда?

— Позавчера, — ответил Джун и скептически приподнял бровь при виде густо покрасневшей Наён.

Она поправила причёску и с долей раздражения оглядела своё платье. Оно красивое, нежно-персикового оттенка, а широкий пояс украшен несколькими подвесками из яшмы. На мой взгляд, Наён была одета даже излишне нарядно, в то время как я с утра схватила самое на вид удобное платье. Я с трудом продрала глаза в темноте и, пользуясь сонливостью своих помощниц, выбрала шёлковый наряд, не желая наде-

вать более тяжелую парчу. Лишь во дворе я поняла, что платье зелёного оттенка хвои, но переодеваться уже было поздно.

— Что не так?! — недовольно огрызнулась Наён на Джуна, пока тот окидывал её демонстративно разочарованным взглядом.

— Только не говори, что ты по-прежнему в него влюблена.

— Я не влюблена! — излишне нервно отреагировала Наён.

— Ещё как влюблена, — поддел Джун и сложил руки на груди, обнимая свою алебарду.

Я проглотила смешок. Наён пыталась отрицать то, что всем было и так известно. Она с детства без ума от Раяна. Хотя от него без ума все. Было время, когда и на мой детский разум он так влиял, но, в отличие от Наён, я знала его лучше.

— Разве тебе он не нравится? — спросила меня Наён, пытаясь перевести внимание в другую сторону. — Мы с тобой вместе следили за его тренировками из кустов.

— И она была влюблена, — ответил за меня Джун, кивнув с видом настоящего знатока.

Я не смутилась, потому что это было детское увлечение, вряд ли тогда я вообще что-то понимала о влюблённости.

— Это было до того, как нынешний хранитель попросил Раяна поучить внучку хотя бы простейшей самообороне, — добавил Джун, растягивая губы в язвительной усмешке, а затем повернулся ко мне: — Скольких занятий тебе хватило, чтобы его возненавидеть?

— Двух, — призналась я и едва заметно скривилась, но это было притворством. Теперь любые многочисленные воспоминания о прошлом вызывали у меня ностальгию.

Хотя я действительно невзлюбила тренировки с Раяном уже после двух занятий, бабушка настояла на их продолжении. Они получались редкими из-за того, что я нерегулярно посещала храм, но благодаря Раяну я получила хоть какие-то навыки в обращении с мечом.

Из-за своих талантов и усердия остальным ученикам Раян внушал благоговение и трепет. По тому, что мне рассказывали, буквально с самого появления Раяна в храме все чувствовали, что он станет идеальным кандидатом в хранители. Из-за наших совместных занятий бояться я его не начала, но Раян стал для меня старшим наставником с очень скверным и холодным характером. Для Джун же Раян был примером для подражания.

— Не важно, он — будущий хранитель Дракона Запада! Я должна правильно его поприветствовать и установить хорошие отношения, ради всей провинции, — спокойнее выдала Наён, с важным видом вздёрнув подбородок.

— Не сомневаюсь, — с нескрываемой иронией протянул Джун. — Всё ради благополучия провинции и его жителей. Попросись к нему в жёны, это точно пойдёт всем на пользу. Будем жить в мире. Совет да любовь!

Сперва Наён открыла рот, явно намереваясь высказать Джуну своё нелестное мнение о нём, но внезапно замерла. Лицо её вытянулось, а затем приняло задумчивое выражение, не обещающее ничего хорошего. Наён повернулась ко мне с надеждой в глазах.

— Хранителям ведь можно вступать в брак?

Джун раздражённо всплеснул руками и отошёл проверить своего коня.

— Можно. Все, кто служит в храме, могут вступать в брак, хотя у хранителей довольно много обязанностей, — сдержанно объяснила я, скрыв улыбку.

— Всё готово, госпожа, — один из носильщиков поклонился мне, и мы с Наён вернулись в реальность, прервав откровенный разговор.

Мы специально стояли далеко, чтобы никто нас не слышал, но впредь, до самого храма, лучше помалкивать.

— Тогда не стоит мешкать. Поедем сейчас, — приказала я и надела на голову плетёную круглую шляпу с полупрозрачной чёрной вуалью.

На Наён точно такая же. Мы прикрывали тканью лица в качестве ещё одного способа защиты наших личностей. Джун и двое охранников сели на своих коней, а мы с Наён расположились в тесном паланкине. Как только мы оказались скрыты от внешнего мира, Наён откинулась на стену и прикрыла глаза, решив подремать, а я приоткрыла окошко, чтобы взглянуть на пробуждающийся город.

В каждой провинции существует свой главный город, являющийся средоточием всей торговли, политики, учёбы. Город, в котором находится храм, а также живёт наместник и его ближайшие советники.

Шилин — самый крупный город в провинции Запада. Я не бывала за его пределами, но слышала, что столица всего Кхорина — Вейлин — в провинции Севера как минимум в два раза больше. Однако я не могла представить такие размеры, даже наш город казался мне огромным.

Расположенный в низине у подножия хребта Дракона-Матери, Шилин был построен на невысоких холмах, поэтому какие-то его районы находятся чуть выше других. Здания из камня и дерева, но если средний и низший класс могут позволить себе только соломенную крышу, то дома богачей строятся с покатыми, изогнутыми по краям черепичными крышами.

Я с вялым интересом оглядела красивые здания. Ради безопасности в храм мы всегда ездим по мощё-

ным улицам богатых районов, где построены усадьбы состоятельных жителей. В Шилине есть шумные рынки и бедные окраины, но туда меня никогда не пускают. Джун сказал, что это и к лучшему, потому что там стоит отвратительный запах, а от шума бесконечно зазывающих покупателей торговцев раскалывается голова. Я могла лишь поверить другу на слово — по крайней мере, пока. Может, однажды, через пару лет, я всё-таки взгляну и на мрачную сторону родного города, сверкающего чистотой, янтарём, белым мрамором и редким нефритом в лучах утреннего солнца. Вокруг так много клёнов, что город будто горит, окружённый пожарищем крон.

Если жители более бедных районов наверняка уже проснулись и начали новый рабочий день, то здесь — где живут богачи — по-прежнему тихо. Встречались прохожие, но это были слуги, ранним утром направляющиеся на рынок, чтобы купить свежих продуктов или выполнить какие-то поручения. Тишину нарушал разве что цокот копыт, тяжёлое дыхание носильщиков да скрип паланкина. Все звуки раздавались в удивительно ритмичной последовательности, создавая странную мелодию, в которую влились утренние трели птиц. Я поняла, что провалилась в сон, когда паланкин дёрнулся и я болезненно ударила головой о створку окна.

Городской пейзаж сменился лесом. До храма Западного Дракона оставалось совсем немного, мы двигались в гору, по самому сложному для носильщиков отрезку пути. Наён тоже проснулась и поправила золотой гребень в волосах. Я невольно вскинула руку, повторяя вслед за ней. У нас одинаковые причёски, только мой гребень с кусочками янтаря и ещё несколько длинных шпилек. Наён заметила моё движение.

— Ты ни капли не волнуешься перед встречей с ним? — с подозрением уточнила она.

— С Раяном?

— Да. Вы не виделись три года, ты даже не смогла с ним попрощаться.

— Немного нервничаю, — я пожала плечами и с глухим стуком прикрыла окошко паланкина.

Полнейшее враньё. Мои пальцы едва заметно подрагивали из-за слишком быстрого сердцебиения, а ладони неприятно вспотели. Напоминание о том, что я не смогла попрощаться со старшим, болезненным спазмом отдалось в груди.

Примерно раз в тридцать пять лет, когда действующее поколение хранителей осознаёт необходимость замены, от каждого храма отбирается два претендента, идеально подходящих на роль преемника. Кандидаты в обязательном порядке уезжают в другие храмы и в каждом учатся по году, чтобы получить максимальное количество знаний о равновесии между сторонами света и понять гармонию отношений между четырьмя драконами. Раян, будучи одним из претендентов, прожил по году в провинциях Севера, Юга и Востока. В наш храм Запада также прибывали будущие хранители, но с ними я не встречалась.

Раян не уехал внезапно, его отъезд был запланирован, однако госпожа Ян не отпустила меня в тот день. Мне ничего не оставалось, кроме как отправить Джуна одного и попросить попрощаться с Раяном за меня. Я до сих пор тревожилась, что наставник воспринял это как пренебрежительное отношение и счёл оскорблением.

Паланкин замер перед строгими деревянными воротами и узкой каменной лестницей, вьющейся вверх. Здесь проходила граница священной земли. Дальше паланкин не понесут, и охранники, помимо

Джуна, не переступят этот порог. Джуну дозволено зайти внутрь, так как он ученик храма.

Я отдала приказ, чтобы нас встретили здесь же завтра за два часа до заката. Джун спешился, взял своего коня под уздцы и повёл к храму, моментально став увереннее после возвращения домой. Я жадно втянула носом знакомые запахи, а Наён с облегчением вздохнула, переступив священный порог. В храме нет места лжи. Это закрытое сообщество, состоящее из малого количества людей, и как минимум половина живущих на священной земле прекрасно знала меня и Наён, наши настоящие имена и то, что я всего лишь двойник. Все ученики строго придерживались правил и об этом секрете не болтали.

В дни посещения храма Наён за закрытыми дверями слушает от наставников лекции о взаимоотношениях с хранителями других драконов. Тора первая претендентка на место наместника провинции Запада, но нельзя быть уверенным, что не произойдёт что-то непредвиденное. Поэтому даже младшая дочь должна быть готова к ответственности. Дни в храме — единственное время, когда Наён зовут настоящим именем. Я же в это время наслаждаюсь возможностью побыть собой, слушаю лекции от старших мастеров, медитирую, помогаю по хозяйству или тренируюсь. После отъезда Раяна я продолжила редкие тренировки с Джуном или дедушкой.

За мыслями я не заметила, как мы преодолели лестницу и вышли к храму. Мы с Наён сняли шляпы с вуалью — скрываться более не было необходимости.

Обширная территория храма поспособствовала созданию независимого от города сообщества. Заборы или высокие стены отсутствуют, потому что никто в здравом уме не рискнёт напасть на храм или что-либо украсть у одного из четырёх драконов.

Поднявшись, мы сразу попали в основной двор, на противоположной стороне которого расположилось главное двухэтажное здание храма. В отличие от дорогих домов Шилина, храм выглядит скромно и аскетично. Простые стены из дерева и камня, изогнутые крыши покрывает чёрная черепица, местами выгоревшая на солнце до светло-коричневого. Ставни на окнах со строгим геометрическим узором, без изысканной резьбы. На храме нет украшений, помимо звенящих под порывами ветра медных и бронзовых колокольчиков. То тут, то там встречаются каменные статуи Западного Дракона как неизменного покровителя здешних мест.

Храм на самом деле подразумевает под собой целый храмовый комплекс и помимо главного здания есть много других павильонов, но они в разы меньше. Склады для оружия и продовольствия, кухня, библиотека, залы для занятий, жилые дома для учеников и учителей и отдельный павильон для хранителя. Позади домов есть ферма и злаковые поля, помогающие храму как можно меньше зависеть от Шилина и наместницы. Благодаря чистоте, за которой на территории храма усиленно следят, и тому, что павильоны регулярно ремонтируют, всё выглядит опрятно и не кажется старым.

Настоящими украшениями храмового комплекса являются пагода и Священный Клён, чьи размеры превышают воображение. Ему более тысячи лет, никто не знает, насколько он стар на самом деле. Чтобы обхватить ствол, понадобится человек десять, а крона дерева распростёрлась во все стороны, заняв обширное пространство. Этот вид называют красным клёном, и его листья никогда не приобретают зелёного оттенка.

Так как с запада территория храма примыкает к отвесной части горы, то по вечерам здесь быстро

становится сумрачно, но на рассвете алые лучи ярко освещают деревья вокруг, окрашивая всё в оранжевые и красные оттенки.

Пройдя немного вглубь, мы встретили младших учеников, очищающих внутренний двор от опавших листьев и плодов деревьев гинкго. Мальчишкам приходилось торопиться, чтобы те не начали вонять.

Учеников в храм приводит хранитель. По каким критериям происходит отбор, он не рассказывает. Даже я, будучи внучкой нынешнего хранителя, не посвящена в эту тайну. Но учеников мало, и попасть в список могут как дети богачей, так и беспризорники. Поговаривают, что сам Западный Дракон шепчет хранителю, кого взять.

Джуна дедушка нашёл на улице, поэтому парень предан дракону всей душой. И не только он. Каждый ученик бережно хранит секреты храма, поэтому мы с Наён здесь абсолютно свободны.

Младшие ученики при виде нас согнулись в низком поклоне, и на мгновение я задержала на них взгляд, гадая, склонились ли они перед Наён, как госпожой, или же выказали уважение именно Джуну, как старшему. Иногда мне казалось, что на территории храма признают исключительно своих, а власть, богатство и титулы наместника или императора слишком земные понятия для священного места.

Все ученики храма обязаны носить схожие одежды: невысокие ботинки, свободные хлопковые штаны и халат с запахом, затянутый толстым поясом. По бокам у халатов разрезы от самой талии. Одежда действительно похожа на одеяния монахов, но скроена удобно. При необходимости каждый ученик храма мог легко продемонстрировать, что не зря все годы обучался боевым искусствам.

Это храм дракона, а у дракона есть когти, и он не пресмыкается.

Западный Дракон олицетворяет осень, поэтому все в храме носят одежды соответствующих оттенков. Мастера высшего уровня облачаются в чёрный и красный. Ученики среднего уровня, такие как Джун, носят просто чёрное, а младшие — коричневые и оранжевые цвета.

Так же различаются причёски. Мастерам и ученикам среднего уровня разрешено носить любую длину волос, но младшим приходится регулярно стричься.

Среди учеников в основном мальчики и мужчины, девочек в храме Запада всего трое. По слухам, в других храмах дела обстоят схоже. Никто не знает, почему девочек меньшинство, и эта тайна как-то связана с критериями отбора, о котором хранители не распространяются. Хранителей женского пола за всю историю было лишь несколько.

— Отведи моего коня в конюшни и позаботься о нём, — ровным тоном то ли приказал, то ли попросил Джун одного из учеников.

Мальчик лет двенадцати в бледно-оранжевых одеждах без единого возражения охотно кинулся выполнять распоряжение. Другой ученик протянул руки, готовый принять алебарду Джуну, но тот беззлобно шикнул, предостерегая, и мальчишка моментально прекратил попытки прикоснуться к оружию. Джун приветственно кивнул остальным младшим, занятым чисткой каменного фонтана от опавших листьев, и повёл нас дальше.

— Мои занятия должны скоро начаться, — напомнила Наён, бросив взгляд на пагоду.

— Хорошо, сперва поприветствуем мастера, и ты пойдёшь, — согласился Джун.

Мастером в храме называют моего дедушку, все знают его имя и статус, но звать старшего просто по имени неуважительно, а звание хранителя почему-то его утомляло. Раньше дедушка занимался

со старшими и средними учениками, но ему больше не нужно этого делать, так как старшие подросли, и в храме есть ещё шесть наставников, которые обучают всему: от истории до стратегии, от медитации до боя.

Мы с Наён молча последовали за Джуном, стараясь подстроиться под его уверенный шаг. После пересечения границы храма открывалось истинное значение наших статусов. Первым шёл Джун, как ученик священного места и один из избранных самим Драконом Запада, потом, отставая на шаг, — Наён, как младшая дочь наместницы, и только затем, на расстоянии, шла я. Может, на мне и дорогие одежды, но по сравнению с Джуном и Наён я никто. Ни ученик храма, ни дочь правителей.

Мои спутники резко замерли, и я едва успела остановиться.

— Мастер! — радостно воскликнул Джун.

На другой стороне пустого двора к нам обернулись двое. Наён рядом со мной тихо пискнула, а я оцепенела, забыв сделать вдох.

Дедушка уже стар и за последние пять лет будто стал ниже ростом. Возможно, сейчас он всего на ладонь выше меня, а я сама чуть выше плеча Джуна. Длинные седые волосы неизменно собраны в аккуратный пучок. Белые усы переходят в треугольную бороду, которая доросла дедушке до ключиц. Одежды на нём такого же кроя, что и на учениках, лишь штаны чёрные, а верхний, запахнутый халат красный, как крона священного клёна. Вокруг талии обёрнут широкий кожаный пояс, и к нему прицеплена янтарная подвеска, как и у остальных служителей храма.

Несмотря на возраст и рост, дедушка стоял с прямой спиной, взгляд, как и всегда, оставался внимательным и серьёзным. Улыбался он мало, строг бывал часто и со всеми, однако каждое наказание от него